

Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

Региональная Общественная Организация адмиралов и генералов ВМФ
«Клуб адмиралов»

К ЧИТАТЕЛЯМ

26 февраля 2021 г. исполнилось 111 лет со дня рождения Адмирала Флота Советского Союза Сергея Георгиевича Горшкова.

С тремя десятилетиями, в продолжение которых он являлся Главнокомандующим Военно-морским флотом СССР, неразрывно связана судьба моряков-ветеранов «холодной войны». Им выпала удача служить на флоте, когда страна находилась на пике своей морской мощи, когда ВМФ вышел за пределы наших прибрежных морей, а боевая служба стала обычной практикой.

Большинству из них пришлось увидеть и закат Советского Союза, начало процессов, которые привели к сокращению масштабов его деятельности в Мировом океане. Вместе с тем именно 1990-е гг., ставшие одним из самых сложных периодов в многовековой истории нашего флота, доказали прочность основ морской мощи государства, идеологом и созидателем которой был Сергей Георгиевич Горшков.

До сих пор в боевом составе Российского Военно-морского флота несут службу корабли, построенные в период, когда Главнокомандующим был он. Функционирует созданная в его время система базирования и всестороннего обеспечения боевой и повседневной деятельности сил флота, научно-образовательный комплекс ВМФ. Действуют принципиальные положения, на которых базируется межотраслевая и внутриотраслевая кооперация, взаимодействие научно-исследовательских, проектно-конструкторских организаций и предприятий промышленности, обеспечивающих его строительство.

Время, когда С. Г. Горшков стоял во главе ВМФ СССР, называют эпохой создания океанского ракетно-ядерного флота, «золотым веком отечественного кораблестроения». Это главное. Но будем помнить, что оно было отмечено и небывалым расцветом нашей военно-морской мысли, широким внедрением достижений научно-технической революции в практику строительства и управления силами

К читателям

Военно-морского флота, выдающимися результатами в боевой и оперативной подготовке, обучении и воспитании личного состава.

Время Сергея Георгиевича Горшкова стало также и наиболее плодотворным периодом совместной работы Главного командования ВМФ с академической наукой, самых масштабных в истории нашей страны исследований Мирового океана.

Значителен вклад нашего «бессменного Главкома» в отношении Советского государства с зарубежными странами. Результатом его военно-дипломатической деятельности является прочное, пережившее катаклизмы конца XX — начала XXI века военно-техническое сотрудничество с Индией, Египтом, Сирией, Алжиром и рядом других стран.

Но главное, что он оставил нам, его наследникам — это идеи, ставшие в начале XXI столетия основами морской политики и важнейшими установками Морской доктрины Российской Федерации.

И не случайно его имя несет на борту головной корабль серии, с которой мы связываем полномасштабное возвращение России в Мировой океан. Также не случайно, что одна из примет нашего времени — возрождение интереса к идейному наследию Сергея Георгиевича Горшкова в нашей стране и за рубежом.

В России в 2017 г. вышло в свет третье издание «Морской мощи государства», труда, который был и остается самым значительным произведением отечественной военно-морской мысли. В том же году в Соединенных Штатах издана книга «21 столетие — Горшков: вызовы морской мощи в современную эпоху» (21st Century Gorshkov: The Challenge of Sea Power in the Modern Era), в которую вошли работы из цикла «Военно-морские флоты в войнах и в мирное время». В 2019 г. выпущено второе издание воспоминаний Сергея Георгиевича «Во флотском строю».

Труд доктора исторических наук, капитана 1 ранга М. С. Монакова также выходит в свет уже вторым изданием. Тираж первого разошелся мгновенно, и почти сразу эта книга стала библиографической редкостью.

Причина неослабевающего интереса к трудам Сергея Георгиевича и к работам о нем очевидна. В его жизни и деятельности, как в зеркале, отразилась биография великой страны, судьба поколения, которое ее создавало и защищало.

*Адмирал В. В. Чирков,
Главнокомандующий Военно-морским
флотом в 2012–2016 гг.*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Слово Главногокомандующий мы писали с прописной буквы, а когда оно произносилось вслух, никому не приходило в голову уточнять, о ком идет речь. И так было ясно, что это Адмирал Флота Советского Союза Сергей Георгиевич Горшков.

По-домашнему мы называли его СГ, не вкладывая в эту аббревиатуру уничижительного смысла, а как бы подчеркивая некоторую свою причастность к почти безграничной власти над сотнями тысяч, числившихся в составе нашего огромного ведомства. Точно так же сокращенно — ФДР — сотрудники аппарата Белого Дома называли 32-го президента Соединенных Штатов Америки Франклина Делано Рузвельта.

Много лет я служил в одном из управлений, подчиненном непосредственно Главкому. Я исполнял приказы, на которых он ставил свою подпись, готовил для него доклады и справки. И хотя на рабочий стол Главногокомандующего они попадали через третьи руки, очень скоро я научился понимать, чего он ждет от меня лично.

В его время служить в центральном аппарате было непросто — он не прощал верхоглядства, некомпетентности, небрежности — однако значительно легче, чем после него: у СГ были твердые правила, которые никогда не менялись. Надо было только усвоить, что требования, которые предъявлялись к нам, те же самые, что он предъявлял к самому себе.

Одно время Сергей Георгиевич состоял на учете в нашей партийной организации. Общие собрания проводились в конференц-зале на верхнем этаже здания, которое мы называли КВМ.

Приходил Главком, как правило, последним — его приглашали, когда все были уже в сборе. По центральному проходу он быстро шел на свое место и перед тем как сесть здоровался с нами коротким кивком головы.

В тех случаях, когда в повестку включались по-настоящему важные вопросы, СГ обязательно выступал. Глядя под ноги, и, сосредоточенно хмурясь, он неторопливо поднимался на сцену. На трибуне устраивался основательно, как командир на мостике, навалившись на нее грудью, и, крепко ухватившись руками за верхние края боковых панелей. Перед тем как произнести первое слово он всегда выдерживал небольшую паузу. В зале в это время наступала мертвая тишина.

Говорил СГ негромко, но внятно, не входя в лишние подробности, и без навязчивых повторов. Каждая фраза звучала веско и надолго врезалась в память.

Авторитет Главкома был непререкаем, хотя нельзя сказать, что все его решения принимались нами как единственно возможные. Бывало, оставаясь при своем мнении, мы роптали и даже возмущались вслух.

Попадались среди нас настоящие виртуозы канцелярского дела, которые, хорошо разобравшись в устройстве столичной службы, могли затянуть выполнение «неправильных» указаний так умело, что, в конце концов, добивались их отмены. Сыграть в эту рискованную игру с Главкомом не решался никто. Его слово было последним.

Как-то летом организаторы важного мероприятия обратились к нему с просьбой — по случаю сильной жары позволить офицерам прибыть на совещание в облегченной форме одежды — в кремовых рубашках с галстуками. Сергей Георгиевич задумался, помолчал и... не согласился. «Он сказал, не будем упрощать» — оправдывался адмирал, которому была поручена эта деликатная миссия. Кондиционером в те годы у нас не водилось, и всему офицерскому составу Главкомата пришлось в тот день изрядно помучиться в черных суконных тужурках — к концу совещания они пропитались крепким запахом обильного мужского пота... Прошли годы, пока до меня дошло, что в деле, которому Главком посвятил всю свою жизнь, для него не существовало мелочей.

Это была своеобразная аскеза. На службе она почти совсем закрывала для него возможность слишком явно проявлять симпатию, к тем, кто становился ему по-настоящему дорог, слишком часто заставляла говорить «нет» обращающимся к нему людям. Разумеется, не все понимали, что точно так же он отказывал в послаблении и самому себе. Откуда им было знать, какие страсти, какие муки и сомнения ему приходилось подавлять, чтобы они, не дай Бог, не вырвались наружу и не разрушили созданный им образ.

Он очень рано понял, что людьми невозможно управлять, если не соответствуешь их представлениям о власти. Однако ничто не дается даром, и СГ, в конце концов, стал заложником своей харизмы. Он позволял себе быть «как все» лишь в самом узком кругу и только в те часы, которыми жертвовал ради короткого отдыха.

Но узкий круг с каждым годом становился все уже: вырастали, отдаляясь, дети и внуки, старились и умирали приятели, а настоящих друзей — так уж получилось — у него не было смолоду.

И вот однажды пришел день, и он увидел себя стоящим в полном одиночестве на вершине, откуда уже не видно оставшейся под облаками земли. И тогда, может быть, он впервые ощутил, как леденит душу холодное сияние неба...

Сергей Георгиевич Горшков с полным правом мог сказать, что сделал себя сам. Но в том, что стал он именно таким, каким мы его знали, он обязан своему времени. В его судьбе самым непостижимым образом отразились и величайшие достижения, и самые непримиримые противоречия эпохи.

Он был главным архитектором перемен, до неузнаваемости изменивших облик нашего флота, предопределивших судьбы моряков трех послевоенных поколений. Кончилось отведенное ему историческое время — завершился его земной путь.

Перед тем как уйти, Главком честно пытался рассказать об этом времени и о себе. Не получилось: слишком много лет он имел дело с первыми лицами государства и самыми большими его тайнами; внутренний цензор, выпестованный самыми страшными годами нашей сложной истории, оказался сильнее. Сыграло свою роль и то, что по характеру он был человеком, обращенным в себя, не любившим выставлять напоказ мир своих сокровенных мыслей и чувств. И теперь мы можем судить о нем, главным образом, по его делам и поступкам.

Глава первая

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Адмирал флота Советского Союза И. С. Исаков однажды заметил, что большинство «творцов и носителей русской морской славы» — уроженцы глубинных областей России, до поступления на военную службу никогда не видевшие моря.

Сергей Георгиевич родился 26 февраля 1910 г. в Каменец-Подольске (ныне — город Каменец-Подольский Хмельницкой области Украины)¹.

Примем это как бесспорный факт его биографии, не имеющий никакого значения для условий, в которых он рос, накапливал первый жизненный опыт и первоначальные знания. Настоящей «малой родиной» С. Г. Горшкова стала подмосковная Коломна, куда его привезли в двухлетнем возрасте.

В начале XX в. это был довольно большой уездный город с населением около 40 тысяч. Из множества провинциальных российских городов Коломна выделялась своим богатым прошлым и значительным промышленным потенциалом.

О восьми веках его истории напоминал белокаменный кремль, когда-то стоявший на южном рубеже Московской Руси. Однако к началу XX столетия лицом древнего города стали предприятия «Общества Коломенского машиностроительного завода», выпускавшего паровозы, паровые молоты, двигатели внутреннего сгорания, строившего речные и морские суда.

Возникнув у места впадения Москвы-реки в Оку, Коломна с древнейших времен была одним из центров русского судостроения. С середины XVII столетия здесь начали строить так называемые «коломенские струги» или коломянки, которые широко использовались в верховьях рек Волжского бассейна. В 1667–1669 гг. в окрестностях Коломны, на верфи дворцового села Дединова был построен «Орел» — первый военный корабль Российского государства.

При подготовке второго Азовского похода коломенские мастера по указу Петра I строили галеры, которые осенью 1696 г. вошли в состав регулярного флота, учрежденного царем-реформатором.

---

¹ Во всех учетных документах С. Г. Горшкова дата его рождения приводится по старому стилю. — *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

«Общество Коломенских машиностроительных заводов», образованное в последней четверти XIX столетия, почти сразу приступило к серийной постройке морских и самоходных речных судов. Десятилетиями они служили на Оке, Волге, Каме, Северной Двине и в Каспийском море. В 1907 г. здесь был построен первый в мире буксирный теплоход «Коломенский дизель», в 1908 г. — наливной танкер, а в 1912 г. — пассажирское судно с двигателями внутреннего сгорания. В канун Первой мировой войны коломенские предприятия поставляли судостроителям Санкт-Петербурга и Николаева листовую и фасонную сталь, кнехты, киповые планки, канаты.

Коломна в начале XX в. Почтовая карточка

В 1914–1917 гг. предприятия Коломны заняли одно из ведущих мест среди подрядчиков, выполнявших заказы морского ведомства. Здесь строились сторожевые корабли и сетевые заградители, коломенские дизели устанавливались на подводных лодках, малых надводных кораблях и катерах.

Однако внешне в начале прошлого века Коломна почти ничем не отличалась от большинства городов российской глубинки. Относительно благоустроенной была лишь главная ее часть, где в добротных кирпичных зданиях размещались уездные учреждения, почта, гостиница и самые дорогие магазины. Все другие городские кварталы были на одно лицо. По обеим сторонам одноэтажные деревянные дома с маленькими окнами, высокие двустворчатые ворота и глухие заборы. На проезжей части — кривые колеи, по обочинам — извилистые тро-

пинки. Летом пыль и бурьян, зимой — снежные сугробы, в межсезонье — грязь и слякоть. Здесь, чтобы добыть пищу для ума и работу для души, надо было хорошенько потрудиться. Для Горшковых напряженный труд был привычкой, которая вырабатывалась у них с детства.

Отец будущего флотоводца, Георгий Михайлович, был ярким представителем народной интеллигенции дореволюционной России. Происходил он из крестьянской семьи, детство и юность его прошли в крайней бедности. «Умному человеку скучно не бывает, — не уставал повторять он, — в основе серости и неодаренности — скука».

Рассказывает Елена Сергеевна Горшкова, дочь Главнокомандующего:

«Мои представления о детских и юношеских годах отца основываются на длительных и очень интересных беседах с его матерью, моей бабушкой. Меня и называли в ее честь.

Елена Феодосиевна Горшкова (в девичестве Никитюкова) была незаурядным человеком, ярким представителем интеллигенции XIX в., Она родилась и выросла в городе Каменец-Подольске. Отец ее был священником, что сыграло огромную роль в формировании ее взглядов на жизнь и моральных принципов. Потеряв мать в раннем возрасте, она воспитывалась в закрытом пансионе для девочек из благородных семей.

Наш прадед, отец Феодосий Никитюков в последние годы жизни оставил приход и преподавал в духовной семинарии. Имущества он не нажил, однако сумел всем своим детям дать по тем временам хорошее образование. Бабушка вспоминала, что когда перед смертью его спросили, что же он оставляет своим дочерям, он ответил: «Старшая Юлия — умная, не пропадет, средняя, Елизавета — красавица, удачно выйдет замуж, а вот Ленушка — будет счастливая»... Тут бабушка обычно немного лукавила и прибавляла: «А ведь я была и некрасивая, и неумная!»

Отец Феодосий, посвятивший себя служению Богу, сумел привить своим детям глубокое и искреннее чувство долга перед родителями, перед семьей и своей страной.

Брат Елены Феодосиевны Алексей стал военным. Офицерскую службу он начал в чине подпоручика в одной из частей Варшавского военного округа, а затем был направлен в специальную школу под Санкт-Петербургом, и стал

*Георгий Михайлович Горшков.
Начало 1910-х гг.*

*Елена Феодосиевна Никитюкова.
Начало 1910-х гг.*

одним из первых десяти русских воздухоплателей. Это была очень опасная военная профессия — на воздушных шарах воздухоплатели поднимались над линией фронта, чтобы вести разведку и корректировать артиллерийский огонь. Наш двоюродный дед успешно продвигался по службе и к 1917 г. был уже в генеральском чине. Из-за этого в конце Гражданской войны он и оказался за границей, став одним из сотен тысяч вынужденных эмигрантов.

В отношении бабушки слова нашего прадеда оказались пророческими. Елена Феодосиевна прожила долгую и очень счастливую жизнь. Дожив до 92 лет, она обрела счастье и в браке, и в материнстве. Ее бого-

творили самые дорогие ей мужчины — муж Георгий Михайлович и сын Сергей.

Кроме хорошего воспитания и природного ума, бабушка обладала очень веселым и общительным характером, была наделена тонким чувством юмора, любила поэзию и музыку, хорошо говорила по-французски.

Наш дед Георгий Михайлович встретился с Еленой Феодосиевной будучи уже довольно известным педагогом и заметной фигурой среди в образованном обществе Каменец-Подольска. Те, кто знал его лично, говорили о нем тепло, искренне восхищаясь его необыкновенной преданностью профессии, прямоотой и честностью.

Родился Георгий Михайлович на Харьковщине в 1873 г. Отец его Михаил Дмитриевич Горшков был столяром-краснодеревщиком и до переезда в город состоял в общине ремесленников села Митрофаныха.

Имея от природы золотые руки, в Харькове наш прадед очень удачно устроился на работу — в частную гимназию С. Г. Данченко, при которой Михаилу Дмитриевичу выделили квартиру. Хорошая репутация, не однажды помогла и его детям. Очевидно, только благодаря этому Георгий Михайлович смог получить высшее образование, раскрыть и применить в жизни свой большой талант.

Михаил Дмитриевич умер сравнительно молодым, оставив жену с десятью детьми. Самым старшим был мой дед Георгий или, как звали его в семье, Егор. За выдающиеся способности к точным наукам он бесплатно был принят в ту част-

ную гимназию, где работал его отец. В 1893 г. он окончил ее с медалью. Искренне желая помочь способному юноше, С. Г. Данченко выхлопотал ему церковную стипендию для обучения в Императорском Харьковском университете.

Три малолетних брата и две сестры были тогда на иждивении Егора. Над гробом отца он дал зарок вырастить и выучить их всех. “Настало время мое”, — сказал он себе и все свободное от учебы время отдавал частным урокам с купеческими детьми.

Окончив в 1898 г. Харьковский университет, по постановлению Святейшего Синода он был назначен преподавателем математики Каменец-Подольской духовной семинарии.

Некоторое время спустя он был переведен в казенную мужскую гимназию, где получил повышение — должность классного наставника и первый классный чин коллежского секретаря.

Гимназисты и коллеги искренне любили Георгия Михайловича. Привлекала к нему внимание и редкая для провинциального общества блестящая эрудиция. По специальности физик и математик, он мог толково рассуждать о живописи, музыке, литературе, обладал приятным баритоном и прекрасно пел.

Естественно, что такой человек не мог не обратить на себя внимания моей бабушки, которая тоже была учительницей — преподавала русский язык и словесность.

Группа студентов Харьковского университета. Г. М. Горшков — второй справа в первом ряду. Вторая половина 1890-х гг.

Прежде чем обвенчаться с Еленой Феодосиевной Георгий Михайлович ухаживал за ней почти 10 лет и повел ее под венец будучи уже в солидном классном чине — коллежским ассессором. До этого жениться ему не позволяли семейные обстоятельства: обету, данному над гробом отца, он следовал неукоснительно и вырастил всех братьев и сестер, оставшихся на его руках.

Георгий Михайлович был строг, требователен к детям, считал, что культурный человек, прежде всего, дисциплинированный, подчеркивал, что культура начинается с запретов, только хамство свободно от всех ограничений. А Елена Феодосиевна была мягкой, ласковой в общении. Она сумела привить своим детям, а потом и внукам любовь к книге. Когда она читала или декламировала — а она до глубокой старости наизусть читала “Евгения Онегина”, “Полтаву” и другие свои любимые произведения, — дети слушали, затаив дыхание. Очевидно, она не раз сглаживала, а порой и разрешала конфликты, бывшие неизбежным следствием душевной прямоты и интеллигентского максимализма нашего деда».

Эти факты очень важны для понимания условий, в которых формировался характер Сергея Георгиевича Горшкова. Он вырос в семье, где почитали труд и презирали праздность, где моральный авторитет отца был непоколебим, а слово его считалось законом, где мать не просто любили, но и глубоко уважали. Верность традиционным ценностям, непреложность правил, на основе которых складывались семейные отношения и определялись обязанности каждого члена семьи, удивительным образом сочетались с характерными для передовой части русского общества представлениями о человеческом достоинстве, о личной свободе и праве каждого на собственный жизненный выбор.

Эти принципы для Горшковых оставались незыблемыми, несмотря на то, что этой семье в начале бурного XX в. пришлось пережить не только большое счастье, но и серьезные испытания.

Рассказывает Елена Сергеевна Горшкова:

«Рационалист и педант буквально во всем, Георгий Михайлович с самого начала знал, каким будет состав его семьи, объявив молодой жене, что им надо обязательно иметь троих детей. Учитывая возраст вступления в законный брак (когда они поженились, ему было 33 года, а Елене Феодосиевне — 30), времени для этого у них оставалось совсем немного. Первой в 1908 г. родилась дочь Татьяна, вторым в 1910-м — сын Сергей, а в 1911 вторая дочь, Наталья...

Сережа появился на свет в морозную снежную полночь. Акушерка ахнула, увидев младенца в “чепчике” и “рубашке”. По словам бабушки, она сказала ей, что ребенок отмечен Богом и будет удачлив. Можно по-разному относиться к словам повитухи, но по жизни Сергей Георгиевич действительно шел твердым, уверенным шагом. И успех сопутствовал ему.

Он рос крепким, красивым розовощеким ребенком, с очень яркими синими глазами. Рано стал говорить, был очень подвижным и резким в движениях.

Коломенская мужская гимназия. Начало XX в.

Любил шумные игры с криками и грохотом. Мать, стараясь его успокоить, стала рано приучать его к музыке русской речи, вслух читая ему книги.

В конце 1912 г. Георгий Михайлович получил чин коллежского советника и должность инспектора народных училищ в городе Коломне.

На новое место семья переехала в начале следующего года. Когда поезд прибыл к платформе Коломенского вокзала, все засуетились, нянька взяла за руку старшую Таню, Елена Феодосиевна — на руки младшую дочь Наташу.

Сережу, уснувшего в дальнем углу купе, в суматохе забыли. Поезд тронулся, и тут мать с ужасом обнаружила, что рядом с ней нет сына. Она кинулась к вагону, но муж опередил ее, быстро вскочил в купе, схватил мальчика и едва успел выпрыгнуть на платформу. Елена Феодосиевна прижала ребенка к груди и горько заплакала. Вспоминала она об этом до глубокой старости.

Семья Георгия Михайловича поселилась в большом доме на берегу реки, рядом с Коломенским кремлем». В 1968 г. Сергей Георгиевич Горшков получил из города детства письмо, написанное на листке в линейку, вырванном из школьной тетради: «Уважаемый Сергей Георгиевич! Мне, да и не только мне, а всем коломенцам, лично знающим Вас с самых ранних детских лет, было особенно приятно дважды лицезреть Вас на экране телевизора полным сил энергии и мужества... Мне сейчас 80-й год. Может быть, я один и остался, кто лично знает Вас с ранних детских лет. А я хорошо представляю Вас маленьким мальчиком в пикейной матроске с синим воротником, гуляющим за ручку со своей мамой или резвящимся среди

«Маринкина башня» Коломенского кремля. Начало XX в.

полевых цветов на даче в Карасеве. С тех пор прошло более 60 лет, но эта картина как живая передо мной и сейчас. Непосредственным поводом к этому послужило то, что в августе прошлого года я побывал в Карасеве, где Георгий Михайлович снимал небольшой, но уютный домик под дачу для своей семьи».

Мне кажется, что Георгий Михайлович последние годы перед мировой войной и революцией вспоминал как самое счастливое время в своей долгой и трудной жизни. Тогда он был в расцвете сил. Бедность, лишения, непосильный труд, казалось, остались далеко позади. С честью преодолев все испытания молодости, он вывел в самостоятельную жизнь младших братьев и сестер и мог без остатка посвятить себя любимому делу.

Сергея Горшкова с сестрами Таней и Наташей. Коломна. 1915 г.

Получив назначение на должность инспектора народных училищ, Георгий Михайлович стал достойно зарабатывать, занял прочное положение в обществе. Впереди был высокий классный чин, который дал бы его детям потомственное дворянство, а это, в свою очередь, позволило бы его сыну, закончив учебу и достигнув совершеннолетия, претендовать на занятие любой государственной должности. Впрочем, кем станет Сергей, Георгий Михайлович решил сразу, как только мальчик появился на свет, — он пойдет по его стопам. Способности к учебе, к точным наукам у Сережи проявились очень рано. Если бы отец знал, что жизнь распорядится иначе...

Спустя год после переезда Горшковых в Коломну разразилась мировая война. В первые дни августа 1914 г. из Берлина, не завершив работу над диссертацией, приехал младший брат Георгия Михайловича, Петр. Его выдворили из Германии с женой и двумя детьми в двадцать четыре часа. Пришлось потесниться.

Очень скоро в городе заметно поубавилось молодых мужчин. Отправились на фронт и многие выпускники подведомственных Г. М. Горшкову учебных заведений. В 1915 г. в Коломне появились первые беженцы из западных губерний, а в 1916-м стремительно понеслись вверх цены на хлеб и предметы первой необходимости.

От политики Георгий Михайлович держался в стороне. Его не увлекли революционные страсти, охватившие общество в 1905–1907 гг. Свой долг перед будущими поколениями он видел в том, чтобы достойно воспитать своих детей и учеников. О том, как пережила семья события бурного 1917 г., Горшковы вспоминать не любили.

Как и в большинстве российских городов, в Коломне не обошлось без выстрелов и кровавых жертв, хотя настоящих боев здесь не было. Обыденными стали митинги и демонстрации. Собирались огромные по меркам уездного города толпы народа, ходившие по улицам с красными флагами и транспарантами, с громким пением революционных песен.

В дни февральского переворота Сергею исполнилось семь лет. Родители уже обучили его начальным основам грамоты, и по уровню подготовки он смог выдержать испытание на поступление сразу во второй класс средней школы.

Г. М. Горшков с коллегами-преподавателями

Мальчик, несомненно, уже понимал, что в жизни его отца еще недавно весьма влиятельного и всеми уважаемого человека произошли большие перемены к худшему. Он перестал ходить на службу, а пища, которую теперь подавали на стол, стала очень простой и однообразной. Детей перестали баловать новыми игрушками и одеваться все члены семьи стали заметно хуже. А главное, кроме учебы у него появились и другие серьезные обязанности — надо было помогать отцу, который, чтобы прокормить семью, вынужден был заняться сапожным ремеслом.

Елена Сергеевна Горшкова:

«Так Георгий Михайлович с ранних лет приучал сына заботиться о семье, приговаривая: “Пойдем, дружок, поработаем”. Вместе и сапоги латали, и дрова пилили, и воду носили.

К счастью, для деда этот мрачный период в его жизни был недолгим. Очень скоро его пригласили преподавать математику, физику и астрономию сначала на рабфаке, а затем в педагогическом училище. Таких как он, выдающихся учителей, трудно было найти не только в уездной Коломне, но, думается, и в самой Москве. Елена Феодосиевна вела уроки русского языка и литературы, а кроме того, преподавала французский. Она часто вспоминала, какой ужасный холод в то время стоял в учительской. Чтобы согреться, многие стали курить. Так и бабушка закурила».

Перебиваться случайными заработками Георгию Михайловичу пришлось несколько месяцев. Осенью 1918 г. в Коломне открылась школа. В ней он учительствовал 33 года, выпустив в большую жизнь несколько поколений своих учеников. Многими из них он искренне гордился, как гордился своим сыном.

Навещая родной город, Главком почти всегда находил время для встреч с детьми и внуками многочисленных питомцев Георгия Михайловича.

В ящике его рабочего стола сохранился набросок выступления перед колменскими школьниками. Первые слова Сергея Георгиевича об отце, о его трудолюбии и «могучем патриотизме». Далее следует рассказ о самом трудном периоде в жизни семьи Горшковых. Только факты: «Надо помнить далекое теперь время начала 20-х годов. Разруха, доставшаяся нашей стране после Первой мировой

*Сергея Горшкова с сестрами.
Коломна. 1918 г.*

и Гражданской войн... В нашем городе, в Коломне, в большинстве домов, в том числе и где мы жили тогда, на улице Труда, не было ни электричества, ни водопровода, ни центрального отопления. И первые обязанности, которые возложил отец на меня, мальчика 10–12 лет — носить воду из ближайшей “бассейки”, как называли тогда общественный водопровод, колоть дрова и топить печь. А вскоре он определил меня подмастерьем к частному сапожнику, работавшему в своей мастерской в полуподвальном помещении на углу улицы Труда и Пятницкой... Там я учился сучить драгву, заделывать в нее свиную щетину и как совершенствующийся в своей сапожной профессии подшивал валенки заказчикам-горожанам. Затем настал период электрификации. В Коломне начались работы по проводке электрического освещения в жилые дома, и мой отец определил меня в такую общественную уже, а не частную артель. Помню, ее возглавлял бывший ученик папы некто Петунков.

Не надо думать, что я только и делал, что работал и учился. Нет, я, как и все ребята, [имел досуг и] на шалости, и на катание на санках, и коньки, и купание в Москве-реке. На все это папа находил для нас время, неизменно повторяя: “Начало всему — труд, всякая работа благородна... Кем бы ты ни был, даже дворником — будь лучшим дворником на своей улице”.

Привычка к твердому распорядку, чередованию учебы, работы, детского баловства воспитывало собранность, дисциплинированность и мне во многом помогало в последующей жизни».

Потеряв почти все от перемены власти в стране, Георгий Михайлович к большевикам враждебности не испытывал, и все невзгоды трудного времени пережил стоически — без душевного надрыва и без истерик, которыми в те страшные годы грешили многие выдающиеся представители русской интеллигенции. Революцию он принял как неизбежный поворот народной судьбы. За его плечами был трудный жизненный опыт, поэтому идеи равенства, братства, наверное, не были ему чужды. А с 1922 г., когда новая власть впервые повернулась лицом к народному образованию, он стал ее убежденным сторонником.

Горшкову младшему повезло больше. Революционные перемены произошли до того, как он вошел во взрослую жизнь. Потеря отцом высокого социального статуса, стремительное обнищание семьи, разумеется, не прошли для него бесследно, оставив глубокий след в детской душе. Однако ему не пришлось вновь подниматься на ноги и будучи уже зрелым, состоявшимся человеком начинать карьеру заново. Как и абсолютному большинству представителей его поколения, Сергею Георгиевичу не было нужды пересматривать взгляды и убеждения, вести мучительный диалог с совестью: основы его мировоззрения были заложены советской школой.

Елена Сергеевна Горшкова:

«Учился он охотно, но был непоседой озорником, за что при участии дворника нередко удалялся из класса. Свободное время проводил на реке. Очень

любил лошадей. С ватагой ребят они скакали на них наперегонки по лугам. Однажды за лазанье по чужим огородам был посажен отцом в погреб. Но, в общем, детским его забавам родители не препятствовали — лишь бы свои обязанности по дому не забывал.

Елена Феодосиевна много работала, а девочки росли капризными, и работу по дому часто брал на себя Сергей. Бабушка уверяла, что он вкусно варил борщ. В трудные послереволюционные годы он не стеснялся ходить в школу в обуви матери: в семье было принято жить соразмерно с возможностями.

В самые трудные времена дед не терял присутствия духа и вкуса к жизни. Георгий Михайлович великолепно пел, и часто устраивал своеобразные музыкальные вечера в кругу семьи и близких друзей. Как вспоминала бабушка, это была постоянная его компания, в основном преподаватели, которых объединяла любовь к русскому романсу, опере и... преферанс. Впрочем, преферанс был скорее увлечением Елены Феодосиевны.

Родители пробовали обучать Сережу музыке. Георгий Михайлович очень этого хотел. Обладая абсолютным слухом, Сергея он хотел видеть не за фортепьяно, а обязательно со скрипкой. Мучение продолжалось, пока учительница музыки не взмолилась: «Георгий Михайлович, оставьте эту затею с музыкальным образованием сына: ему медведь на ухо наступил».

Но петь отец наш всегда любил и музыку слушал с большим удовольствием. Особенно ему нравились русские романсы, под звуки которых прошло его детство

«Гори, гори, моя звезда» и «Утро туманное». Из классики он особенно выделял арию Ивана Сусанина из одноименной оперы Глинки. И все же в зрелые годы он больше тяготел к оперетте и джазу. Обожал Эдди Рознера, его игру на трубе».

Однако в повседневной жизни семьи Горшковых развлечения занимали самое незначительное место. Георгий Михайлович твердо следовал своему главному принципу: делу — время, потехе — час. Впоследствии Сергей Георгиевич говорил, что в детские и юношеские годы родители часто повторяли: «Ты — мужчина, должен сам пробивать себе дорогу». Отец рано приохотил Сережу к точным наукам, развил в нем склонность к глубокому анализу фактов и явлений. Из школьных предметов он больше всего любил математику и физику. По его сло-

Сергей Горшков. Середина 1920-х гг.

вам, он «часами просиживал над сложными формулами». Как воспитатель Георгий Михайлович, несомненно, добился своей цели. И не только потому, что от природы был наделен большим педагогическим даром. Свою большую жизнь он прожил весьма достойно. Став Главкомом ВМФ, получив высшее воинское звание, заслужив две Золотых Звезды и памятник при жизни, Сергей Георгиевич искренне гордился тем, что его отец — заслуженный учитель республики, пятьдесят лет проработавший в школе и награжденный двумя орденами Ленина.

Однако простые и сердечные отношения между отцом и сыном, очевидно, не сложились. Поэтому в своих воспоминаниях Сергей Георгиевич отметил, что только мать умела разъяснить детям смысл жестких отцовских требований.

Влияние матери на формирование характера будущего Главкома было менее заметным, но вряд ли менее сильным. Тем не менее, когда в 1926 г. Сережа с отличием окончил девятый класс школы второй ступени, сомнений в том, что он продолжит дело отца, у него, похоже, не было. На семейном совете было решено, что юноша будет поступать на физико-математический факультет Ленинградского университета: там жил младший брат его отца, Петр Михайлович, который мог юношу хотя бы на какое-то время приютить.

Когда настало утро последнего дня в Коломне, выполнив свою обычную работу по дому, Сергей незаметно выскользнул за дверь и до темноты пропадал неизвестно где. Никого это не удивило: во время летних каникул, он, как и большинство городских мальчишек, почти все время проводил на улице. Но его

*Е. Ф. Горшкова. Коломна.
Середина 1920-х гг.*

родителям навсегда запомнилось, в каком настроении Сережа возвратился домой. Всегда живой как ртуть, в тот вечер он был сосредоточенно спокоен, односложно отвечал на вопросы, а когда его, наконец, оставили в покое, ушел в себя и, подперев голову руками, долго сидел перед раскрытой книгой. Его глаза, еще недавно сверкавшие веселыми синими огоньками, при тусклом вечернем свете казались черными, и какая-то тихая печаль таилась в их глубине.

Через многие годы, оказавшись в родной стороне в середине лета, он — к тому времени уже адмирал, известный военачальник — ранним утром, взяв за руку дочь, вышел за порог родительского дома и целый день провел на ногах, обходя места, где прошло его детство.

Елена Сергеевна помнит, как они долго шли по улицам старого города, туда, где за

последними домами начинались заливные луга. Ступив на узкую, теряющуюся в густой траве тропинку, Сергей Георгиевич посветлел лицом и сказал: «Вот здесь прошло самое беззаботное время моей жизни». Очевидно, и в последний день детства он провел там, где в компании сверстников под открытым небом с утра до ночи играл в бесконечные игры, откуда на крыльях необузданной мальчишеской фантазии уносился в мир необыкновенных приключений, населенный героями любимых книг.

У тихой заводи, накрытой густой тенью от наклонившейся к самой воде ивы, Сережа вспомнил, как часами сидел с удочкой, мечтая добыть двухпудового сома: рассказ о его поимке много лет подогревал энтузиазм пестрого сообщества коломенских рыбаков. Задержавшись на краю высокого обрыва, он долго смотрел вдаль, за Оку. В реке отражались плывущие по небу облака и высокие деревья, стоявшие стеной на противоположном берегу. Их листва, тронутая легким порывом ветра, оживала, сверкая на солнце рыбой чешуей. От воды веяло свежестью. Она пахла как мокрые волосы юной красавицы — скошенной травой, влажным речным песком и еще чем-то неуловимым, непонятным, тревожным.

Разводя ленивую волну, вверх тащился буксир со связкой барж, которая у речников по-крестьянски называется возом. Часто перебирая плицами колес, весело взбивая легкую пену, вниз, бежал двухпалубный пассажирский красавец. Перед тем как уйти за поворот, суда подавали голоса. И, кто знает, какие воспоминания будили в нем эти хриплые медные басы...

*Мост через Москву-реку неподалеку от дома, где прошло
детство С. Г. Горшкова. Коломна. Начало XX в.*

А в тот, последний вечер в Коломне в какой-то миг, уступив здоровой усталости, Сергей уснул, уронив голову на стол. Елена Феодосиевна, тихонько подошла и осторожно вынула из его рук раскрытую книгу — это был Пушкин. В стихотворении, которое Сережа прочел последним, ногтем была отчеркнута строка: «На свете счастья нет, но есть покой и воля...»

Мать улыбнулась: мальчик, из которого пытаются вылепить выдающегося математика, оказывается, большой мечтатель. Она не подумала о том, что слово «воля» для сына наполнено совершенно иным смыслом, чем для ее любимого поэта...

Дорога до Ленинграда запомнилась плохо. В Москве, выйдя из вестибюля Рязанского вокзала, Сережа оказался на огромной площади, где вполне могла разместиться вся центральная часть Коломны вместе с ее кремлем. Здесь его поразило множество людей, экипажей, подвод и десятки автомобилей, резкими гудками сгонявших с дороги провинциалов, навьюченных картонными чемоданами, мешками из рогожи, пестрыми узлами и плетеными корзинами.

В Ленинград поезд прибыл дождливым утром. Небо над городом было затянуто плотными облаками. Из водосточных труб бежали тонкие струйки, растекаясь по тротуарным плитам серыми лужами. Тускло блестела мокрая мостовая. В ней смутно отражались огромные многоэтажные дома.

До 1-й линии Васильевского острова, где у Петра Михайловича Горшкова была служебная квартира, ехали в переполненном трамвае по проспекту 25 Октя-

Ленинград. Невский проспект. 1920-е гг.

бря, бывшему Невскому. Сережа вертел головой, вытягивал шею, пытаясь увидеть знаменитую на всю страну улицу, но сквозь запотевшие оконные стекла почти ничего не смог разглядеть.

В 1926 г. дядя Сергея был уже известным ученым, заведующим кафедрой астрономии Ленинградского государственного университета. Его семья жила рядом с ЛГУ, в «профессорском» доме. Однако Петр Михайлович приютил племянника, только на время сдачи вступительных экзаменов. Он на всю жизнь сохранил глубокое уважение к старшему брату, был искренне ему благодарен и, как мог, помогал его детям. Но, во-первых, прописка на служебную площадь не разрешалась, а, во-вторых, щепетильный Георгий Михайлович, твердо настоял на том, чтобы Сережа жил отдельно. В огромной коммунальной квартире, в доме на углу, у пересечения бывшего Невского и Литейного проспектов, для Сергея сняли маленькую комнатку.

В 1960-х гг. ресторан «Москва», занимавший первый этаж этого дома, превратился в место шумных сборищ ленинградской богемы. Тогда, кроме официального названия, у ресторана появилось еще одно — «Сайгон» — и он стал знаменитым на всю страну.

Своими впечатлениями о времени, проведенном в стенах ЛГУ, Сергей Георгиевич делился редко, но вспоминал об этих днях тепло:

«Приехав в Ленинград, я успешно сдал экзамены и был зачислен вольнослушателем университета. Члены приемной комиссии отметили у меня склонность к математике. Лишения, о которых напоминал отец, встретились с первых дней учебы. Средства, которые могли выделить родители, были мизерными, и я вынужден был чередовать занятия с работой в порту. Несмотря на все трудности, я все равно испытывал душевный подъем».

Во второй половине 1920-х гг. отечественная высшая школа оправилась от потерь, понесенных в годы революции и Гражданской войны. Была восстановлена нормальная работа учебных подразделений ведущих вузов страны, возобновили творческую деятельность сохранившиеся научные школы, сформировались коллективы ученых осваивающих новые направления научных исследований в области фундаментальных и прикладных наук.

12 января 1925 г. Центральный комитет ВКП(б) принял постановление «О ближайших задачах в деле установления связи вузов с производством», в котором говорилось, что «основной задачей вузов должна быть подготовка работников для производства в широком смысле слова

*Сергей Горшков –
вольнослушатель ЛГУ.
Ленинград. 1926 г.*

во всех его отраслях». Производственная практика студентов стала неотъемлемой составной частью учебного плана. В том же году СНК СССР принял постановление «Об учреждении премий имени В. И. Ленина за научные работы».

Все эти меры подняли престиж высшей школы чрезвычайно высоко. Тяга к знаниям среди молодежи в это время была необыкновенно сильной. На тех, кому выпало счастье учиться в университете, смотрели с завистью. Приподнятое настроение создавала неповторимая атмосфера столичного города с его деловой сосредоточенностью и напряженной духовной жизнью.

До университета, расположенного неподалеку от стрелки Васильевского острова, Сережа обычно добирался пешком: поездки на трамвае или в автобусе слишком сильно обременяли скудный бюджет. Это вынуждало его вставать минут на сорок раньше, умываться и завтракать на ходу. Наградой была ежедневная прогулка по самой красивой улице страны с ее великолепными дворцами, театрами, магазинами, непохожими друг на друга роскошными домами, памятниками и монументами.

Следуя мимо Зимнего дворца и Адмиралтейства, по Дворцовому мосту переходя через широкую полноводную Неву на Васильевский остров, стрелку которого украшали величественное здание биржи и великолепные Ростральные колонны, он всякий раз испытывал сильное волнение, как будто прикасался к тайне великой российской истории. А еще во время этих утренних прогулок он приучался к жесткому ритму городской жизни, столь непохожему на ее плавное течение в тихой, благодушной Коломне.

С раннего утра по обеим сторонам широкого проспекта бурлили людские реки. На проезжей части урчали моторами автомобили. С визгом вписываясь в крутые повороты, разбрызгивая электрические искры, и, заливаясь звонками, по отполированным до блеска рельсам катились трамваи. Звонко цокая копытами, по торцам мостовой рысили лошади, запряженные в коляски с откидным верхом и дутыми шинами. Глядя на эти экипажи, Сережа мысленно переносился в Коломну. Перед его внутренним взором возникал незабываемый образ отца...

Став после революции рядовым школьным учителем, Георгий Михайлович даже при своих небольших средствах, не мог отказать себе в удовольствии прикатить на работу на извозчике. Извозчик и старомодный костюм из дорогой ткани — последнее, что еще как-то связывало его с прежней жизнью, в которой он считался одним из самых влиятельных лиц города и должен был во всем соответствовать своему высокому статусу. В конце 1920-х гг. эти его пристрастия воспринимались как стариковские чудачества.

«Мы столбенели, когда к школе подкатывал фаэтон, и на землю сходил крепкий коренастый дед с гордой осанкой, с чуть скошенным в сторону задумчивым взглядом, одетый в строгий дорогой костюм, больше всего нас, пожалуй, и изумлявший. А этот дед в белоснежной сорочке с галстуком, в бостоновой тройке, хромовых ботинках, да еще с массивной цепочкой от часов на жилете будто не

просто проходил мимо нас неспешным шагом, а, гордо подняв крупную голову, проплывал, чтобы по широкой лестнице вознестись на второй, нам еще недоступный этаж — к старшекласникам. От них мы и услышали почти несусветное: он еще при Николашке-царе учил... Инспектор гимназии», — рассказывал один из бывших учеников Георгия Михайловича.

В то время 47-летний Георгий Михалович был абсолютно здоров душою и телом, полон сил и творческой энергии. Но ранняя седина и крупные, глубокие морщины — след многих испытаний, выпавших на его долю в ранней юности и в годы революционных потрясений — внешне состарили его прежде времени. И только не юные школьники заблуждались насчет возраста известного коломенского учителя, которого многие образованные горожане знали в лицо и почитали как местную знаменитость.

Сереже передалась одна из самых сильных черт отцовского характера — благородное честолюбие, упорное стремление в своем деле стать лучшим. Он рано ощутил себя личностью и тайно мечтал о том, чтобы в жизни совершить что-нибудь значительное.

«Занимаясь в читальном зале университета, я видел не только готические окна, не только длинные коридоры и просторные аудитории — мне казалось, сам воздух был пропитан научными открытиями, формулами, расчетами. В застенчивых первокурсниках мое воображение рисовало будущих Ломоносовых, Лобачевских», — писал Сергей Георгиевич, вспоминая то время, когда он учился в университете.

Сергей Горшков — кандидат на поступление в ВМУ имени М. В. Фрунзе. Ленинград. 1927 г.

Казалось, что перед способным и трудолюбивым юношей лежит прямая дорога, по которой ему суждено идти всю оставшуюся жизнь, но все сложилось иначе, может быть, неожиданно и для него самого.

Крутой поворот в своей судьбе он объяснил просто: «На каникулы к родителям в Коломну приехал курсант военно-морского училища Неон Антонов, с которым я дружил с малых лет. Мы встретились с ним в родном городе, обнялись, а потом, гуляя, разговорились. Я не спускал с него глаз. Все в его поступках, движениях, словах было исполнено необыкновенной лихости, морского шика и смелости. Он подробно рассказывал мне о службе на флоте, о море, кораблях. Я тогда по неопытности не мог отличить, разобрать в его рассказах, где правда, а где небылицы. Но как бы там ни было, мне глубоко в душу

запали картины дальних плаваний, утренних зорь и вечерних закатов, необъятной морской шири. Друг раскрыл передо мной особую атмосферу жизни экипажа, которая зовется флотской спайкой. Я дотошно расспрашивал его о программе учебы, о порядке в училище и вскоре понял, что военное училище открывает широкие возможности для учебы, проявления способностей. На мое решение о переходе в военно-морское училище повлияло развернувшееся в стране движение — шефство комсомола над флотом, и многие из нас считали своим долгом идти в моряки. Так в моей судьбе свершилось событие, которое изменило мои жизненные планы. Я предпочел университету военно-морскую службу, о чем потом никогда не сожалел».

Перед начальниками и подчиненными Сергей Георгиевич Горшков представлял в образе бесстрастного прагматика. Таким он и остался в нашей памяти. Кто бы мог подумать, что под суровой внешностью Главкома скрывался романтик, способный совершить поступок под влиянием внезапного и неизъяснимого внутреннего порыва!

Чтобы отстоять свой выбор, юному Сергею пришлось проявить характер. Родители его не понимали. Прошли многие десятилетия, а он в деталях помнил день, когда окончательно определилась его судьба: «Отец, узнав о моем решении, изменился в лице. Такой шаг, по его мнению, был несерьезен и непродуман. Ему был ясен мой путь после университета, но он совсем смутно представлял жизнь моряка. Отец склонен был считать, что военная служба — удел особых людей, что она подходит не для каждого и мало оставляет места для научной деятельности. Ему, учителю, стремившемуся развивать в учениках интерес и любовь к наукам, было странным узнать, что сын, проявивший в школе математические способности, отказался от перспективы научного труда. Отец не сразу согласился с моим желанием, с моими доводами об увлекательной, полной романтики службе. Я доказывал ему, как мог, что на флоте сплошь и рядом сложная техника, которая требует высокого уровня знаний. Отец не соглашался со мной, но, в конце концов, решил: “Коль тебя влечет море, флот, поступай в училище, но еще раз подумай. Все-таки военная служба не для тебя”.

Моя мать, глубоко переживавшая мое решение поступить в училище, надеялась, что я передумаю и буду продолжать учебу в университете, но, убедившись, что мое решение твердое, глядела на меня с состраданием. А на вокзале, провожая меня, всплакнула: “Ну, уж, ты там старайся да слушайся своих начальников”. Поезд, лязгнув буферами, тронулся, а я смотрел на своих родителей, которые стояли печальные и махали мне руками. Они провожали меня как бы в неизвестность. Мне было жаль их, и я ругал себя за то, что доставил им излишние переживания».

Непросто было пройти и строгий отбор в окружке комсомола, где, по воспоминаниям С. Г. Горшкова, с пристрастием оценивались не только состояние здоровья и знания кандидатов, но в первую очередь их родословная. Предпочтение при всех равных условиях отдавалось парням из рабочих семей. Крестьян

Курсанты военно-морского училища на корабельной практике. Конец 1920-х гг.

принимали уже не так охотно. А для «лишенцев», то есть тех, кто из-за принадлежности к привилегированным сословиям дореволюционной России был ограничен в конституционных правах, включая право поступления на военную службу, путь в училище был закрыт.

С точки зрения членов Вербовочной комиссии социальное происхождение Сергея Горшкова было сомнительным: отец, по происхождению крестьянин, но все же бывший царский чиновник, занимавший перед революцией значительную должность, а мать и вовсе из поповской семьи.

Слабым доводом в его пользу было то, что оба его родителя в советское время «влились» в ряды «трудовой интеллигенции»: к этой «прослойке» в те годы относились с подозрением, поскольку идеологически она считалась «нечистой», зараженной мелкобуржуазным мировоззрением и «пережитками прошлого».

Очевидно, первый вопрос, который был задан Сергею Горшкову на мандатной комиссии, не был для него неожиданным. Поэтому, когда его спросили:

— Кто у вас родители?

Ответ был четким и уверенным:

— Отец и мать учителя.

Понравилось членам комиссии и то, как юноша обосновал свое решение оставить университет, хотя неожиданно для себя он высказался по-книжному цветисто:

— На военно-морской службе я принесу больше пользы, чем на другом поприще.

Для разговора с мандатной комиссией у Сергея на всякий случай имелась и официальная «бумага», стиль и содержание которой говорят сами за себя:

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Гр. Горшков Георгий Михайлович, преподаватель Коломенского педагогического техникума, как видно из документов, хранящихся в канцелярии Пед-ма, происходит из крестьян Владимирской губ., что подписями и приложением печати удостоверяется.

Дано для представления в Ленинградский ВУЗ.

Заведывающий Коломенск. Педагогич. Техникумом (подпись неразборчива)

Делопроизводитель К. Рубель¹.

Сергей Горшков — курсант ВМУ имени М. В. Фрунзе. Конец 1920-х гг.

Документов, удостоверяющих происхождение Елены Феодосиевны, Сергей, разумеется, не представил, решив не привлекать внимание к этой «темной» стороне своей биографии, по крайней мере, до тех пор, пока об этом не спросят.

Судьба будущего Главкома решилась 14 июля 1927 г. После получасового томительного ожидания в длинном темном коридоре советского учреждения, он, наконец, услышал свою фамилию. За дверью обитой дерматином кипела канцелярская работа — стрекотала пишущая машинка, громко стучал дырокол, а когда они на мгновение умолкали, становилось так тихо, что можно было слышать нежный скрип стального пера, которым неряшливый делопроизводитель от руки заполнял какие-то казенные бланки. «Получите

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 2. Д. 1238. Л. 9.

и распишитесь!» — буркнул он, не поднимая лохматой головы, и ткнул пальцем в раскрытую амбарную книгу.

С трудом совладав с внезапным приступом нервного озноба, Сережа взял в руки четвертушку серой бумаги.

Справкой за № 18 удостоверилось, что «гражданин Горшков Сергей Георгиевич признан Вербовочной комиссией при Райсовете Центрального городского Района удовлетворяющим приемным требованиям и достойным к допущению к конкурсным приемным испытаниям в Военно-Морское училище имени Фрунзе»¹. В этот день страна приобрела выдающегося военного мыслителя, флотоводца и государственного деятеля, но, может быть, потеряла крупного математика или физика.

---

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 2. Д. 1238. Л. 10.

Оглавление

К читателям	5
Вместо предисловия	7
Глава первая	
ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ	10
Глава вторая	
КУРСАНТ	32
Глава третья	
КОМАНДИР КРАСНОГО ФЛОТА.....	85
Глава четвертая	
ПЕРЕД РЕШАЮЩИМИ БОЯМИ.....	172
Глава пятая	
ГЛАВНОЕ ИСПЫТАНИЕ.....	245
Глава шестая	
НА ПЕРЕЛОМЕ.....	325
Глава седьмая	
СЧАСТЛИВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ.....	395
Глава восьмая	
ЗАКОН ПОБЕДЫ.....	463
Глава девятая	
ЗАВЕЩАНИЕ ГЛАВКОМА	594

Приложения

Горшков С. Г. (Открытые труды на русском языке)	676
Хронология важнейших событий в жизни С. Г. Горшкова.....	691
Награды и почетные звания С. Г. Горшкова	708
Положение о медали Министерства обороны Российской Федерации «Адмирал Горшков»	711
Передача наград адмирала флота Советского Союза С. Г. Горшкова Центральному музею Великой Отечественной войны	712
Будем помнить!.....	716
С именем Главкома на борту	721
Елена Сергеевна Горшкова (Из статьи «Вспоминая об отце, думаю о будущем флота»)	723
Четыре поколения.....	728
Постскриптум.....	731
Об авторе.....	733